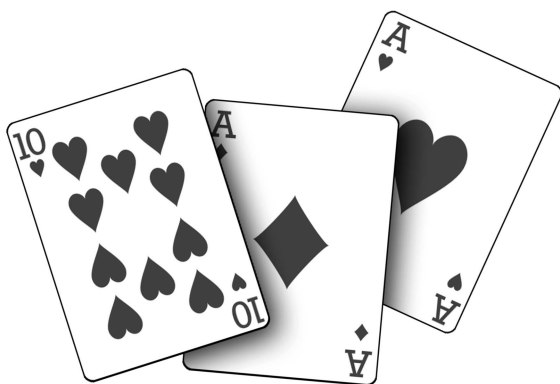

АНА ШЕРРИ

ИЛЛЮЗИЯ ПРАВДЫ
ДЖОКЕР

МОСКВА

АНА ШЕРРИ

ИЛЛЮЗИЯ ПРАВДЫ
ДЖОКЕР

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш49

Художественное оформление *А. Андреева*

Иллюстрация на переплете *Elena Rudman*

Иллюстрации в блоке и на авантитуле *Р. Фахрутдинова*

Шерри, Ана.

Ш49 Иллюзия правды. Джокер / Ана Шерри. — Москва : Эксмо, 2025. — 464 с.

ISBN 978-5-04-217081-2

Потеряв Ромалю, София впала в безутешное горе и отчаяние. Ее сердце разбито, она сходит с ума, и никто не может ей помочь.

Победе над ненавистным врагом радуется лишь один человек — Лазар, который продолжает вершить свои темные дела.

Но надо взять себя в руки и нанести последний удар. Отомстить за все, что она потеряла.

София должна снова стать сильной. Теперь все будет по ее правилам.

Если, конечно, ей не помешает некто, кто скрывает свое лицо.

Тот, кого она никак не ожидала увидеть.

Тот, кто срывает все ее планы, и тот, кто ведет свою игру.

Но кто в этой колоде окажется Джокером?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Шерри А., 2025

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»,
2025

ISBN 978-5-04-217081-2

Г Л А В А 1

Один месяц спустя

Темнота...

Тяжелое прерывистое дыхание...

Биение собственного сердца...

Невыносимая боль...

Жарко. Будто огонь ворвался во внутренности, сжигая дотла.

Невыносимо до истошного крика. Только голоса больше нет, чтобы издать хоть какой-то звук.

Лежа в темноте, София распахнула глаза. Вся покрытая потом, она продолжала дрожать, будто от холода. Слез не было: последние выплакала на кладбище, стоя на коленях возле могилы.

Она потеряла всех. Никого не осталось. Снова одна.

В груди свело — спазм не давал дышать. София хватала ртом воздух, мечтая не дышать вовсе. Так было бы проще — она бы прекратила ощущать эту сверлящую боль.

Анхель...

Имя витало в комнате; будто оседало на вещи мужа, оживляя. Вот он подходит к окну, улыбается, говорит: «Прекрасная девушка».

Больше никогда не скажет. Больше не улыбнется, не коснется ее, не поцелует.

Никогда.

Дверь в комнату открылась, повеяло свежим воздухом. София не хотела знать, кто пришел. Все равно не Анхель. Тот больше никогда сюда не зайдет. Она зажмурилась, перевернулась на бок и свернулась клубочком.

— София, — раздался тихий голос Йованы, и на голову легла влажная тряпка. — Ты вся горюшь.

Она бы сгорела вместе с мужем, если бы Йон не держал ее так крепко, когда тело Анхеля полыхало в огне.

— Нельзя так, — снова начала Йована, — не убивайся, пожалуйста. Бабушке нужна помощь, ее снова отвезли в больницу. Роза не стоит на ногах, Милош возится с ней уже столько времени... Ему не хватает тебя. Ради тех, кто жив, София. Ради всех нас, пожалуйста, приди в себя.

Йована разрыдалась, лбом касаясь плеча подруги. Она продолжала говорить сквозь слезы.

Йована просила жить, когда смысл жизни утрачен. Разве можно встать, распахнуть шторы в этой комнате и продолжать жить? Ее жизнь оборвалась там, рядом с «Обсидианом», возле горящей машины.

В ушах все еще стоял звук сирен, а перед глазами маячили пожарные, поливающие тело ее мужа пеной... Этого не забыть. Этого никогда не забудешь! Ее сердце остановилось ровно тогда, когда перестало биться сердце Анхеля.

Его больше нет.

— Йон хочет с тобой поговорить, если ты не против. — Йована, успокоившись, поднялась. — Это касается каких-то дел. Что ему передать?

Ей нет дела до Йона и прочих. У нее теперь вообще нет дел! Пусть катятся все к чертям и никогда больше не трогают.

София даже не шелохнулась. Никак не отреагировала на слова подруги. Словно Йована призрак.

— Он говорит, что это важно. Пусть зайдет, можешь молчать, но ты должна выслушать.

Йована открыла дверь, и в комнату вошел человек. София не обернулась, продолжила лежать.

— Гаджо, — произнес знакомый голос, — не буду ходить вокруг да около. Ты меня знаешь, я не люблю намеков. Ты можешь лежать здесь хоть до конца своих дней — это твое право, но Анхель был твоим мужем, на его плечах лежала огромная ответственность — за бизнес, за людей...

Йон подошел к постели, и София резко вскочила, впилась пальцами в его шею. Он явно не ожидал такого поворота. Йована со вскриком ринулась к Софии, пытаясь оттолкнуть ту от Йона. Попытка не увенчалась успехом — агрессия лишь добавила прыти.

— Бизнес? — прошипела София. — К чертям бизнес. К черту люди! У меня умер муж, а ты говоришь мне про бизнес!

Йон отнял руки от себя и отошел подальше. Он бы мог применить силу, вот только прекрасно понимал, что движет ею. Боль утраты. Но сейчас на него свалились жизненно важные вопросы, и их могла решить только София. А она уходит от реальности. Хотелось бы ее вернуть к жизни.

— Теперь ты хозяйка «Обсидиана», «Цеппелина» и онлайн-казино. Прячась в комнате, ты делаешь хуже лишь нашим людям. Они не знают, что их ждет дальше. Некоторые собрались уходить из деревни.

— Пусть катятся к чертям! — Она снова улеглась. — Оставьте меня.

— Нет, — продолжил Йон. — То, что создавал Анхель, не должно развалиться из-за его жены-слабачки!

София перестала дышать. Это она-то слабачка?!

— Люди Александра уже бьют копытом у порога «Обсидиана». Требуют свои проценты. Люди боятся идти на работу. «Цеппелин» закрыли, «Обсидиан» кормит цыганских детей.

— При чем здесь я? — крикнула она. — Пусть работают, если им нравится работать там, где убили их хозяина.

— Полиция заявила, требует тебя. Мы отдадим Александру казино?

Ответа не последовало. Йована продолжала сидеть рядом с подругой, гладить ее. Она махнула Йону, чтобы тот ушел.

— Гаджо — это женщина, живущая с цыганами, но не цыганка, — напомнил он. — Мы за своих стоим горой, простые люди никогда этого не поймут. Я принесу бумаги, которые ты подпишешь, и передашь дело тому, кому считаешь нужным.

Он вышел, так ничего и не добившись. В гостиной его встретил задумчивый Михей, который тут же встрепетнулся в ожидании хороших новостей. Йон мотнул головой.

— Она девушка, — напомнил Михей. — И она потеряла мужа.

— Мы все потеряли Анхеля, но я с разумом еще не расстался. Нахожусь в полном здравии и стараюсь думать о других. Как бабушка Гюли?

— Лучше. Не думаю, что будут долго держать в больнице. Она там только благодаря Йоване. А Софии надо дать время, чтобы восстановиться. Она пережила большую утрату.

— Время? У нас его нет! Если не Лазар, значит, полиция. Если от Лазара мы можем отбиться оружием, то от полиции — нет. Надо найти юриста, пусть София передает дело нам.

— Нам? Мне не надо. Оставь себе, я уже стар.

— Но ты там работаешь.

— Я останусь на своей должности, но не смогу быть главным и участвовать в разборках с Лазаром. Или отдай

ему проценты — заткнем ему пасть на первый месяц, потом она придет в себя: не вечно же будет сидеть в комнате. Возможно, ей стоит продать казино и бар.

Из комнаты Розы тихо вышел Милош. Парень выглядел осунувшимся: худой, бледный, под глазами темные круги. От прежнего Милоша мало что осталось, лишь бледно-рыжий цвет волос. Даже веснушек не видно.

— Парень, ты что-нибудь ел? — спросил Михей. Теперь он в доме за главного. Цыганки приносили еду — в обязанности Михея же входило присматривать за домашними.

— У меня нет аппетита. — Милош сел на стул с поникшим видом. — Роза ничего не ест, меня это беспокоит. Как моя сестра?

— Ничего не изменилось, с ней Йована, — произнес Йон. В гостиную вошла Шафранка с супницей в руках.

Она поставила ее на стол и прошла в кухню. В доме воцарились траур и молчание. Если кто заходил, то помогал по хозяйству молча. Казалось, даже света стало меньше.

Шафранка всхлипнула на кухне, но на нее никто не обратил внимания.

— Я слышал, что многие собираются уехать из поселка? — спросил Милош. — Анхель бы не позволил этого сделать.

— На нем все держалось, — кивнул Михей, — но мы не уходим. Остаемся. Нас не выкорчевать даже Лазару.

— Если он придет ровнять с землей наши дома, мы вынуждены будем уйти. — Йон ходил взад-вперед по гостиной, явно нервничая. — Но мы попробуем отбиваться: сдаваться не в нашем духе.

— Нас слишком мало, чтобы отбиваться. Мужчины уйдут к Златану. — Михей развел руками, словно принимая этот факт.

Люди хотели уйти, чтобы найти работу в другом месте. Цыгане — кочевой народ, для них ничего не стоит сделать это.

Йон пожал плечами, и в этот момент из комнаты Софии вышла Йована. Она села на стул рядом с Милошем и посмотрела на него с сочувствием.

— Мне к ней сходить? — спросил он.

— Не думаю, что это поможет. Нужно время, и крайне повезет, если она не сойдет с ума. Я бы сошла. Потерять Ясмин, ребенка, потом мужа — здесь и самый из здоровых умом тронется.

Пока они разговаривали в гостиной, София лежала на спине в комнате и смотрела в потолок. В голове ни единой мысли. Бывает же такое! Кажется, что человек думает всегда, но ей, видимо, надоело.

Она перевела пустой взгляд на коричневый тюль и сфокусировалась на нем. Чем он был для нее сейчас? Просто нелепой тканью. София привстала с кровати, схватилась за него и потянула вниз. Маленькие зажимы начали отрываться, и тюль легким каскадом свалился на пол. Теперь отлично можно было видеть дверь и того, кто войдет.

София стояла, смотря на коричневую ткань, которую сжимала в ладони, и тяжело дышала. Анхель бы не одобрил: он не хотел, чтобы входящий видел всю комнату сразу.

— Знаешь, почему я это сделала? — прошептала она. — Чтобы позлить тебя...

Она разжала кулак, и тюль скользнул к ногам. София обернулась к шкафу и, быстро преодолев расстояние, открыла дверцы.

Рубашки, жилетки, футболки... Вещи... Вещи, которые он оставил для нее. Наверное, чтобы она открывала этот шкаф и ревела.

Вытащив их вместе с вешалками, София кинула на кровать. Почти запыхалась. Было душно. Прядь волос упала

на лицо, и она сквозь нее взглянула на шторы, которыми были задернуты окна. Они-то и полетели вниз следующими — девушка сорвала их вместе с крючками, впуская в комнату свет и воздух. Совсем сбив дыхание, София присела на кровать, продолжая держать в руках ткань.

— Как ты мог, — прошептала она. Ее будто осенило. — Как ты мог оставить меня?

И, откинув штору, закрыла глаза и выдохнула. Голова раскалывалась — хотелось схватиться за нее и стиснуть зубы, но вместо этого София поднялась на ноги и направилась к выходу.

Никто не ожидал ее увидеть, поэтому все вскочили со своих мест, — она пронеслась мимо ураганом. И как только за ней захлопнулась входная дверь, Йон опомнился первым:

— Гаджо!

— София! — вскрикнул Милош, и все помчались следом.

В Софию словно вселился смерч: она быстро села в машину и отъехала к воротам так резко, что все подумали, что она их снесет.

Но нет, вырулила и выехала на проселочную дорогу. Поехала в сторону площади.

— Она поехала к озеру! — Йована испугалась, что София вздумала опять топиться. Она этого боялась больше всего. Надо ее догнать!

— Садитесь в машину! — скомандовал Йон, открывая дверь большого джипа.

Милош сел впереди, а Йована запрыгнула назад.

— Михей, ты лучше будь здесь. Вдруг она вернется.

— Без проблем, — махнул рукой тот. — Хоть бы вы успели.

Пока Йон гнал к площади, белый «Астон Мартин» уже оказался на развилке, откуда одна дорога вела в лес и на озеро, а другая сворачивала налево, на кладбище.

Прошлая София дала бы газу и поехала прямо. И это было бы ожидаемо. Но теперь она другая: ее переполняли эмоции, злость, раздражение и желание все рушить. София свернула налево — на дорогу, которая вела к могилам семьи Бахти. Теперь могил стало больше, и фамилия Бахти на табличках красовалась большими буквами.

Машина поехала вглубь. София затормозила, лишь когда чуть не уперлась в чью-то могилу. Девушка вышла и твердым шагом направилась дальше. Хотелось бы, чтобы ее гнев хоть немного рассеялся. Но София шла уверенно, стирая слезы, скатывающиеся по ее щекам. Когда оказалась возле нужного места, остановилась.

Она смотрела не на могилу своей нерожденной дочери, не на могилу Ясмин. Она смотрела на могилу своего мужа. Упав на колени, взвыла. Ее пальцы зарылись в землю, вырывая посаженные цветы. Взгляд коснулся столба с табличкой «Анхель Бахти» с датой рождения и датой смерти — с черным днем и в ее жизни тоже. Он сказал, что будет ждать ее у озера, он ей обещал! Но не сдержал слова.

— Как? — прошептала она. — Как ты посмел меня бросить?

Рыдания вырвались из груди. София попыталась взять себя в руки, зажмурилась, вдохнула ртом воздух и тяжело задышала.

— Молчишь... Легкий же путь ты выбрал, Анхель Бахти. Взять и умереть. Оставить меня одну.

Она стиснула зубы, чтобы подавить истерику. Она еще не все сказала! Пусть слушает! Здесь самое лучшее место, чтобы говорить!

— Ты думаешь, я буду оплакивать тебя до конца своих дней? Ты не учел один важный момент: ты оставил меня одну, и за это я не скажу тебе спасибо. Я ненавижу тебя, Анхель. — Она ударила кулаком по могиле и закричала сильнее: — Ненавижу тебя! Слышишь? Ненавижу!

Она подняла голову к небу, и, хотя слезы продолжали течь, она их уже не замечала:

— Ты оставил меня! Я тебя ненавижу! — София резко вскочила на ноги и отошла от могилы, пытаясь унять тяжелое дыхание. — Я буду ненавидеть тебя с каждым днем все сильнее!

Пальцы сжались в кулаки, больно впиваясь в кожу, но гнев только нарастал. Ее любовь превращалась в ненависть к мертвому человеку. Возможно, это было сумасшествием, но после того, как она выплеснула все, что у нее накопилось, вдруг стало легче.

София уходила, временами бросая взгляд на могилу и гордо вздернув подбородок. А потом села в машину и нажала на педаль газа. Белый «Астон Мартин» взвыл и поехал обратно в поселок.

Дома ее ждал ошарашенный Михей, который тут же позвонил Йону. София не стала заходить в дом — уселась на скамейке на улице. Не хотелось возвращаться в разрушенную комнату.

— Дочка, — ладонь Михея легла на ее руку, — мы с тобой, вместе справимся. Конечно, сейчас сложно, но научимся жить заново. Скажу банальную фразу: время лечит. Она верная.

София перевела на него взгляд, чтобы ответить, но внимание привлек заехавший во двор джип. Из машины выбежали Йована и Милош, которые тут же кинулись к ней.

— Думали, я окончательно свихнулась и пошла топиться? — холодно произнесла София. — Испугались? Нет, я не собираюсь этого делать, чтобы облегчить встречу на том свете. Я буду здесь, а он — там!

— София, что ты говоришь? — Йована присела на корточки. Милош сел рядом с сестрой и обнял ее.

— Давай будем сильными, — произнес он.

— Давай, — с нотками злости ответила она.

Йон даже подходить не стал — бросил Михею, что едет в «Обсидиан», нервно посмотрел на Софию и уехал.

— Где ты была? — улыбнулась Йована. — Ездила на кладбище? Говорят, это многим помогает пережить утрату.

София перевела на нее острый взгляд, но нашла что ответить:

— Я была на кладбище. Чуть не вырыла своего мужа обратно.

Она встала со скамейки и направилась подальше от дома. Остановилась спиной к нему, даже не желая смотреть на этот проклятый фасад. Милош и Йована переглянулись.

— Я поняла кое-что. Все очень просто: я зла и обижена, я ненавижу мужа за то, что он ушел. Ненавижу, потому что бессмертный Анхель Бахти наконец умер! Он сдался. Так просто: взял и умер! Буду ненавидеть его до конца своих дней. А умирать рано я не собираюсь.

— Господи, — прошептала Йована, — она сошла с ума. Может, позвонить врачу? Доктору Драшковичу.

— Не делай резких движений, — посоветовал ей Милош, и Михей сел рядом с ними.

София обернулась к ним и усмехнулась:

— Я в полном здравии. Лежала и плакала столько времени, но какой смысл жалеть себя? Ведь так?

Они молчали — слов не находилось. София сходила с ума — другого объяснения не было. Она сходила с ума от страшного горя, от понимания, что потеряла самого любимого и родного человека. Она злилась на него, но даже эти чувства можно было оправдать. Это защита, которую воздвигла, чтобы жить и двигаться дальше.

Надо было принимать эту игру, и все закивали.

— Я отведу тебя в комнату. — Йована рискнула встать и подойти к подруге. Оказавшись рядом, коснулась ее плеч. — Тебе надо больше отдыхать.